

А. С. МАКАРЕНКО – УЧИТЕЛЬ дореволюционной начальной школы¹

Светлана Сергеевна Невская,
доктор педагогических наук, доцент, Москва

*Посвящается памяти
Алексея Михайловича Кушнера (1958–2021)*

В статье описывается первый период самостоятельной деятельности **Антон** Макаренко — учителя начальных классов **Крюковского железнодорожного училища (1905–1911 гг.)**. Рассматриваются интеллектуальное и духовное развитие молодого педагога, его отношения с учащимися, соратниками по училищу, друзьями и родными.

• Макаренко • педагогика Макаренко • молодой учитель • духовное развитие

Часть II. Учитель Крюковского железнодорожного училища: 1905–1911 гг.

Вступление

1 сентября 1905 года 17-летний Антон Семёнович Макаренко приступает к работе в качестве учителя начального класса Крюковского двухклассного железнодорожного начального училища, заведующим которого был Михаил Григорьевич Компанцев.

Преподавание проводилось по классной системе: «Каждый учитель имел свой класс, в котором преподавал все предметы — кроме Закона Божьего, преподаваемого попом» [6, с. 39]. Обучение длилось пять лет, из них

три года длился *первый класс*, учебная программа соответствовала 3-летней начальной школе. Два следующих года составляли *второй класс*. Выпускники имели право поступать только в техническое железнодорожное училище, но не могли продолжить учёбу в реальном училище и гимназии, потому что в начальном железнодорожном училище (и в начальной школе) не изучались иностранные языки, физика, естествознание.

В начале января 1906 года младший брат Антона Семёновича Макаренко Виталий перевёлся из Кременчугского городского училища в 3-е отделение Крюковского железнодорожного училища в класс к старшему брату, где почти три года был его учеником. Виталий Семёнович в своих воспоминаниях писал, что старший брат

¹ Продолжение. Начало в № 1 за 2022 г.

был хорошим добросовестным педагогом, «но ничем особенным не выделялся среди других учителей» [6, с. 40]. Так ли это?! Являются ли правдивыми свидетельства младшего брата?

Отметим, что в 1998 году в Москве была издана очень небольшим тиражом сенсационная книга «На разных берегах... Судьба братьев Макаренко» в немецкой серии «Неизвестный Макаренко» (ФРГ). Председателем редакционной коллегии серии, составителем книги и автором комментариев являлся известный макаренковед Гетц Хиллиг (1938–2019). Членами редколлегии — Марьян Быблук (Польша), Светлана Невская (Россия), Николай Окса (Украина), Ференц Патаки (Венгрия), Либор Пеха (Чехия). В аннотации к книге отмечается, что полностью публикуемые материалы издаются впервые. Здесь напечатаны не только воспоминания В. С. Макаренко (1895–1983), но и переписка с ним сотрудников марбургской лаборатории «Макаренко-реферат», а также другие неизвестные ранее материалы о необычайной судьбе братьев, письма В. С. Макаренко к дочери Олимпиаде в Москву.

Следует обратить внимание на то, что личная переписка Виталия Семёновича с немецкими учёными отличается своей недосказанностью и противоречивостью, когда речь идёт о личности Антона Семёновича. Наша задача: на проверенных фактах и свидетельствах очевидцев жизни и деятельности А. С. Макаренко раскрыть правду о выдающемся педагоге.

1. Первые самостоятельные шаги молодого учителя начальных классов

По свидетельству учителей Крюковского железнодорожного училища, 17-летний Антон Макаренко целиком отдавался педагогической работе, был неутомимым, оживлённым, бодрым, весёлым, ежедневно испытывающим радость творчества и постоянно читающим, растущим в своём культурном развитии.

Однажды в школе произошёл поучительный случай, который оставил в сознании молодого

учителя неизгладимый след и в дальнейшем послужил уроком в выборе средств оценки успеваемости учащихся. Вот что пишет Виталий Семёнович Макаренко об этом неудачном педагогическом эксперименте 1907 года: «Как во всех школах, каждую четверть учебного года мы получали результаты наших успехов, то есть карточку, на которой были проставлены наши отметки по различным предметам. Их надо было возвратить с подписью отца. А[нтон] придумал классифицировать нас по степени успеваемости, то есть он выводил среднее арифметическое для каждого ученика и затем распределял эти данные по порядку — 1-й ученик, 2-й, 3-й... и так далее до 37-го, где он писал: “37-й и последний”».

В 1907 г. этим “последним” учеником оказался Дмитрий Прима, мальчик не столь мало способный, сколько болезненный (как потом оказалось, у него был туберкулёз). Когда он получил свою четверть, где было проставлено, что он — 37-й и последний, он долго плакал и, несмотря на наши утешения, ушёл домой до конца уроков. Не пришёл он на второй день, не пришёл и на третий, а дней через 10 пришёл его отец весь в слезах. Он пришёл прямо к нам в класс во время урока; едва сдерживая рыдания, он сказал А.:

— Сегодня ночью мой мальчик умер. Я пришёл вам сказать об этом и ещё спросить вас: для какой цели вы поставили в его четверти, что он 37-й и последний? Зачем вы обидели мальчика, которому осталось 10 дней жизни? Он так горевал бедный, что он “последний”. Это вы, Антон Семёнович, нехорошо поступили, очень нехорошо... Я знаю, он бы всё равно умер, но зачем причинять мальчику ненужные страдания?

А. был бледен как полотно, не помню уже, что он отвечал несчастному отцу. Что он мог ответить, кроме извине-

ния, — но только с этого дня классификация не фигурировала больше в наших четвертях» [6, с. 40–41].

Для впечатлительного и ранимого Антона Семёновича этот случай не прошёл даром: он никогда больше не позволял себе использовать подобные методы, унижающие личность ребёнка. Возможно, этот случай направил мысль молодого учителя на наблюдение за самочувствием, эмоциональной реакцией и состоянием здоровья учеников во время уроков, на глубокое изучение личности каждого ребёнка. Не случайно бывшие его подопечные единодушно отмечали, как радостно и торжественно проходили занятия, не было напряжения, только творчество и радость познания нового.

Методика проведения уроков Антона Семёновича учёными ещё не исследована. Следует подчеркнуть, что только одно появление в классе Антона Семёновича вызывало у всех без исключения учеников такое чувство, будто педагог, «охватывая всех взглядом», забирает всех к себе в душу. Подобным образом поступали и такие великие педагоги, как Василий Сухомлинский и Януш Корчак!

Без взаимного доверия и уважения детей и учителя нельзя представить уроки Антона Семёновича. Уже в те годы сформировался его руководящий воспитательный принцип — безусловное уважение к личности каждого своего подопечного. Главная цель преподавания для А. С. Макаренко — донести через разум в сердце учащегося преподаваемые дисциплины.

По словам Е. Ф. Григорович, педагог досконально знал труды К. Д. Ушинского, наизусть цитировал отрывки из его произведений. Уместно вспомнить слова К. Д. Ушинского, что «учение само по себе становится воспитанием только тогда, когда достигает высшей области науки, входит в мир идеи и вносит эту идею через разум в сердце человека. Только на этой *учёной*,

а не *учебной* ступени наука приобретает нравственную силу, и часто такую силу, что может даже исправить недостаток первоначального воспитания, дать человеку новый принцип жизни, совершенно обновить его. Но до такой высоты науки добиваются немногие; большинство же останавливается или на половине дороги или даже в самом её начале» [8, т. 2, с. 236].

Каким же запомнили Антона Семёновича Макаренко его ученики и коллеги?

Семья первой ученицы Антона Семёновича Ксении Безрук жила в доме Макаренко. Ксения знала своего будущего учителя ещё учеником. Она вспоминала: «Отцы наши работали в Крюковских вагоноремонтных мастерских. Мать Макаренко — мягкая, добрая женщина. Она очень любила Тосю. Антон очень любил детей. Нас было четыре девочки. Мы очень любили встречать его вечером. Мать Макаренко — Татьяна Михайловна — всегда беспокоилась, что он очень много читает. Мы всегда слышали, что делалось за стеной в семье Макаренко».

А вот что вспоминала о молодом учителе его ученица Екатерина Депутатова: «Антон Семёнович приходил в класс всегда светлым, одухотворённым. На пороге комнаты он останавливался, здоровался с нами. Внимательным, упорным взглядом голубых близоруких глаз он осматривал весь класс, каждого из нас. Эту манеру Макаренко, непонятную тогда для меня, я называла “Антон Семёнович взял нас к себе”. И тогда, и позже я видела, что другие учителя не “берут нас к себе”, а просто приходят, здороваются, раскрывают журнал и, проверив ребят, вызывают, рассказывают и потом уходят... Каждый из нас знал, что Антон Семёнович увидит всех и осмотрит каждого. Каждый понимал, что после установленного контакта с ним каждый будет у него на счету, ни один не ускользнёт от его зоркого внимания, все останутся в поле его зрения» [1, с. 31–32].

В воспоминаниях учеников подчёркивается, что они тоже с любовью и нежностью относились к молодому учителю. Им особенно запомнились уроки русского языка и литературы, а также уроки рисования. Однако, по свидетельству Виталия Семёновича, уроков рисования не было, так как «по программе двух-классного ж.д. училища рисование в нём никогда не преподавалось. Зато было черчение, которое Антон преподавал очень хорошо, даже отлично (в 4 и 5 отделениях)». «...Этот предмет имел большое воспитательное значение, воспитывая в учениках точность и аккуратность» [6, с. 105].

На уроках русского языка и литературы А. С. Макаренко умело прививал своим ученикам любовь к русской литературе, художественному слову, учил грамотно излагать свои мысли по прочитанным произведениям, особенно практиковал сочинения на свободные темы. Сочинения можно было написать по репродукциям картин русских художников, которые приносил в класс сам учитель. Как пишет Е. З. Балабанович в своей книге «Макаренко. Человек и писатель», «в воспоминаниях учеников Макаренко предстаёт перед нами как учитель-художник, тонко чувствующий образную силу, красоту, выразительность слова. Когда он читал, замирал весь класс, и даже отъяв-

ленные сорванцы старались не проронить ни одного слова» [1, с. 32].

Е. И. Депутатова в письмах к Е. З. Балабановичу так описывает урок А. С. Макаренко: «Класс... Тихо-тихо... Антон Семёнович читает нам “Лес шумит” Короленко. Окончил... Тишина... “А лес шумит...” — произнёс задумчиво Антон Семёнович, и я не поняла: это написано, или он сам сочинил. Все молчали. Антон Семёнович протянул мне книгу и сказал: “Прочти”. Я стала читать “Огоньки”. Когда я окончила, Антон Семёнович спросил: “Кто передаст содержание?” Молчали все и я — тоже. Я не поняла, о чём там шла речь. Антон Семёнович начал читать сам то же самое. Прочёл всё, потом повторил конец... Медленно, как будто о чём-то думая, Антон Семёнович повторил: “Мне часто вспоминается теперь и эта тёмная река, затенённая скалистыми горами, и этот живой огонёк... Много огней и раньше и после манили не одного меня своей близостью. Но жизнь течёт и всё в тех же угрюмых берегах, а огни ещё далеко. И опять приходится налегать на вёсла... Но всё-таки... всё-таки впереди — огни!”

А. С. Макаренко с учениками. Крюков. 1905–1906 гг.

Звонок... Антон Семёнович сидел над книгой, но не читал. Потом медленно поднялся... Мы зашумели. “А всё-таки впереди — огни!” — громко повторяли многие. Окружив Антона Семёновича, ребята двигались с ним из класса. Лицо у Антона Семёновича было задумчивое, погрустневшее. Мне очень понравились “Огоньки”, и я их потом выучила наизусть» [1, с. 32–33].

По свидетельству Е. З. Балабановича, А. С. Макаренко проводил «дополнительные занятия по объяснительному чтению. Поэму “Мцыри” Антон Семёнович знал на память. Макаренко очень любил “Вечера на хуторе близ Диканьки”. “Мёртвые души” и многие страницы гоголевской прозы читал наизусть. Читались рассказы из “Записок охотника” Тургенева, произведения Чехова и Короленко» [1, с. 32].

Время сохранило для нас воспоминания коллег по училищу, которые высоко оценивали всесторонние знания и ораторские умения А. С. Макаренко. Так, учительница А. П. Сугак вспоминала: «Молодой учитель удивлял всесторонностью и глубиной знаний, ораторским умением, позволяющим ему выступать перед любой аудиторией по любым вопросам. Слушать его любили, так как он умел передать свои знания в доходчивой, образной, яркой, убедительной форме, чувство-

валась его сильная воля и горячее стремление к призыву дерзать, творить и жить. По свидетельству многих очевидцев, Антон Семёнович обладал замечательной памятью, умел говорить логично, ярко и убедительно, удивлял своей эрудированностью, начитанностью» [7, ед. хр. 513].

Супруга о. Григоровича Елизавета Фёдоровна свидетельствовала, что молодой учитель был безгранично предан своей педагогической работе: «Антон Семёнович я знаю давно: ещё с 1905 года, когда он начинал свою педагогическую деятельность в Крюковском двухклассном железнодорожном училище. Несмотря на свою молодость, он поражал крюковчан энергией и инициативностью. Многие учителя, окончив уроки, уходили домой. Уходил и Антон Семёнович, чтобы пообедать, а затем снова возвращался в школу, к ребятам, с которыми он не мог расстаться. После уроков вместе с учащимися он готовился к праздникам, организовывал игры, литературные читки. Одним словом, Антон Семёнович был безгранично предан своему делу» [2, с. 50].

Приведённые суждения о молодом учителе А. С. Макаренко показывают, что в первые годы его учительства формировались основные ценностные установки в области воспитания.

А. С. Макаренко с учителями и учениками Крюковского железнодорожного училища. 1910–1911 гг.

2. Интеллектуальная сфера жизни А. С. Макаренко

Антон Семёнович, свидетельствует Виталий Семёнович, был самым культурным, начитанным, интеллигентным человеком в Крюкове. Он постоянно был с книгой, «обладал колоссальной памятью, и его способность ассимиляции была прямо неограниченна» [2, с. 31].

Антон Семёнович читал книги по философии, социологии, астрономии, естествознанию. Его интересовала «художественная критика, но, конечно, больше всего он читал художественные произведения, где прочёл буквально всё, начиная от Гомера и кончая Гамсуном и Максимом Горьким» [6, с. 31].

Коллеги по училищу в своих мемуарах подтверждали, что Антон Семёнович любил русскую литературу, высоко ценил и знал поэзию Пушкина, Тютчева, Фета.

Среди научных книг больше всего Антона Семёновича интересовала русская история. Виталию Семёновичу запомнились учёные: Ключевский, Платонов, Костомаров, Милюков, а также книги: «История Украины» Грушевского, «Александр I» и «Николай I» Шильдера. Всеобщей историей Антон «не интересовался, кроме истории Рима (он прочитал всех древних римских историков) и истории французской революции, по которой он прочёл несколько трудов, из них довольно солидный, в 3-х томах, перевод с французского (“Французская революция”)...» [6, с. 31].

Увлечение А. С. Макаренко историей было не случайным юношеским развлечением. Он внимательно изучал первоисточники, а в зрелые годы мечтал написать повесть о Владимире Мономахе. В 1936 году Антон Семёнович планировал принять участие в конкурсе на лучший учебник истории, о чём свидетельствуют сохранившиеся подготовительные записи к проекту.

Но вот ещё одна показательная история, рассказанная Виталием Семёновичем Макаренко немецким учёным (письмо от 23.04.1972): «Когда Антон купил себе

“Большую энциклопедию” (22 тома), он попросил меня составить по ней родословную всех российских великих князей.

Я работал около двух месяцев и, наконец, закончил родословную, начиная от Рюрика и кончая московскими царями. Чтобы разместить все имена, мне пришлось склеить четыре больших листа ватманской бумаги. Надписи были сделаны акварелью, и каждое княжество имело свой собственный цвет. Позже я сделал копию этой родословной и подарил её историку реального училища» [6, с. 102].

Среди прочитанных Антоном Семёновичем книг младший брат называл и философию, отмечая при этом, что в те годы старший брат особенно увлекался Ницше и Шопенгауэром. Также большое впечатление на Антона произвели работы В. Соловьёва, Э. Ренана и книга Отто Вайнингера «Пол и характер». «Появление этой последней книги в то время было настоящим литературным событием» [6, с. 31].

У Виталия Семёновича Макаренко сложилось мнение, что вся художественная литература, которая появлялась на книжном рынке, Антоном была прочитана, что его начитанность была вне всяких сомнений. Было бы поверхностно объяснять это явление исключительно желанием А. С. Макаренко стать писателем. Молодой учитель показал себя глубоким знатоком мировой литературы. «Почти каждые два дня он приносил какую-нибудь новую книгу, новый альманах, новый сборник, которые в то время выпускались на книжный рынок десятками» [6, с. 32].

По словам Виталия Семёновича, «бесспорными “кумирами” этой эпохи были Максим Горький и Леонид Андреев, а из иностранных писателей — Кнут Гамсун. Затем следовали Куприн, Вересаев, Чириков, Скиталец, Мережков-

ский, Аверченко, Найдёнов, Сургучёв, Тэффи и др. Из поэтов — А. Блок, Брюсов, Бальмонт, Фофанов, Гиппиус, Городецкий и др. Из иностранных авторов, кроме Гамсуна, назову: Г. Ибсен, А. Стриндберг, О. Уайльд, Д. Лондон, Г. Гауптман, Б. Келлерман, Г. Д. Аннунцио, А. Франс, М. Метерлинк, Э. Ростан и многие другие» [6, с. 32].

Книги перечисленных авторов оказывали большое влияние на духовное развитие читающей молодёжи тех лет. Виталий Семёнович в своих воспоминаниях обращает внимание на один важный факт: «Антон читал внимательно, поразительно быстро, не пропуская ничего, и спорить с ним о литературе было совершенно бесполезно». И далее: «Не помню точно, в каком году он купил около 20 портретов различных писателей, главным образом русских современников, и украсил ими все стены своей комнаты, где находился его большой письменный стол» [6, с. 32].

«Почти каждые два дня, — писал Виталий Семёнович о брате, — он приносил сборники “Знание”, “Шиповник”, “Альциона”, выписывал толстый журнал “Русское богатство”, московскую газету “Русское слово”, петербургский сатирический журнал “Сатирикон”, покупал иллюстрированные дягилевские журналы “Столица и усадьба” и “Мир искусства”. Но книжное богатство не хранил, вся его библиотека состояла из 8 томов Ключевского — “Курс русской истории” и 22 томов “Большой энциклопедии”, которую он купил в кредит в 1913 г.» [6, с. 32].

В письме (8 декабря 1970 г.) к немецким макаренковедом Виталий Макаренко дополнительно перечислил сборники и альманахи, которые покупал Антон Семёнович в те годы. Это публикации издательства «Гриф», «Скорпион», «Мусагет», «Сполохи», «Логос», «Прометей», «Петрополис», «Общественная польза». «Это было время, когда русская интеллигенция с небывалой жадностью впитывала всё лучшее, что было не только в русской, но и в мировой литера-

туре (Г. Гауптман, Келлерман, Шнитцлер, Метерлинк, Ростан, А. Франс, Г. д’Аннунцио, К. Гамсун, Стриндберг, Г. Ибсен, Бьернсон, Лагерлеф и пр. и пр.). Ну и, конечно, целая плеяда русских писателей и поэтов, символистов, футуристов, акмеистов, реалистов, перечень которых занял бы целые страницы. ...Мы их читали, и потом они исчезали бесследно» [6, с. 87].

В следующем письме (21 мая 1971 г.) Виталий Семёнович сделал уточнение о том, что увлечение Гамсуном пришлось на 1907–1908 годы, то есть «до всяких войн и революции и к тому же в сфере крюковской скуки и мещанства» [6, с. 95]. Позже, в письме от 17 апреля 1971 года он проинформировал немецких учёных, что российского читателя особенно пленил Гамсун, которого в те годы издавали в неподобающем русском переводе Благовещенской. Отметим, что русский язык Антон Семёнович любил, ценил и замечательно его преподавал.

Нам остаётся отметить, что интеллектуальное развитие А. С. Макаренко «в сфере крюковской скуки» было на очень высоком уровне. Возможно, кто-то из соратников Антона Семёновича, увидев и почувствовав его большой интеллектуализм, увидел в нём очень тонкого и чуткого человека, который по-своему чувствовал мир и человека в этом непростом мире!

3. Конфликт «отцов и детей»

В 1904 году началась Японская война. Почти два года мастерские, где работал Семён Григорьевич, работали в две смены по 12 часов — выпускали санитарные поезда. Повышенная в два раза зарплата позволила скопить немного денег. Вот что пишет по этому поводу Виталий Семёнович: «Я не помню точно в каком году (скорее всего, в 1905) отец купил один из участков, которые продавались у линии железной дороги, недалеко от еврейского кладбища. Всего участок был около

800 кв. метров. Дом, сарай, заборы — всё было построено и очень быстро, в 3–4 летних месяца. Часть земли отец отвёл для сада, и мы насадили в нём вишни и другие фруктовые деревья. Во дворе устроили артезианский колодезь (насос), и у нас была своя собственная, всегда холодная, великолепная вода. И вот здесь впервые отец заметил, как мало Антон интересовался нашим домом: он никогда не был на постройке» [2, с. 23]. Домой он приходил с какой-нибудь книгой и читал до поздней ночи.

Итак, с 1905 года семья С. Г. Макаренко живёт в собственном доме. Старший сын Антон преподаёт в Крюковском железнодорожном училище, Виталий ещё учится. Старшая сестра Александра вышла замуж и покинула родительскую семью ещё в 1903 году (с мужем проживала в Знаменке, но летом и в праздники приезжала со своими детьми к родителям в Крюков и помогала матери по хозяйству).

Неожиданно в дружной патриархальной семье Семёна Григорьевича Макаренко разразился конфликт «отцов и детей», который спровоцировал старший сын Антон в 1905–1906, а затем в 1908–1909 годы. Первый случай связан с решением 17-летнего Антона Семёновича жениться. Вторая конфликтная ситуация была вызвана неожиданно возникшим чувством молодого учителя к супруге священника.

Личная жизнь молодого учителя складывалась непросто. Решение жениться на хозяйской дочке Поле (Пелагее) Мироновой вызвало сопротивление отца. Пелагее, старшей дочери Миронова, у которого семья Макаренко снимала комнаты, было лет 15–16; она была «полная, пухлая, не урод, но и не красавица, не глупая, но и не умная, едва умеющая читать и писать (как и все дети Миронова, как и он сам)...» [6, с. 18].

Виталий Макаренко считал, что решение брата жениться на Пелагее Мироновой было связано с тем, что только она одна становилась на защиту Антона-ребёнка, который из-за слабого зрения подвергался постоянным грубым шуткам сверстников во время игр. Она «возмущалась, называла участников шуток “хулиганами” и “босяками”, по-матерински ухаживала за А., когда он был ранен и, безусловно, позднейшая идиллия и любовь выросли на этой почве» [6, с. 21].

В пересказе Виталия Семёновича, события 1905 года развивались следующим образом: «...Едва получив место учителя в ж.д. училище, А. заявил отцу, что он собирается жениться. На ком? На Поле

Слева направо: братья Виталий и Антон Макаренко. 1909 г.

Мироновой. Несмотря на то, что отец, естественно, против такого раннего брака, да и Миронов совсем не был расположен выдать свою дочь за А., он продолжал настаивать на своём решении.

— Мы любим друг друга, и я дал ей слово жениться на ней.

Понадобилось несколько месяцев уговоров, в которых, кроме отца и Миронова, особенно деятельную роль сыграли М. Г. Компанцев и поп Д. И. Григорович, который был законоучителем в ж.д. училище.

Одно время это событие принимало драматический характер, так как Антон угрожал, в случае дальнейшего сопротивления, застрелиться. (Я не знаю, где бы он достал револьвер. У отца был револьвер, но он был заперт в одном из ящиков комода.)».

В биографической литературе не освещается вопрос о роли супругов Григорович в решении конфликта, возникшего в семье С. Г. Макаренко. В связи с этим особую ценность имеют свидетельства В. С. Макаренко, который освещает сложившуюся непростую ситуацию так: «Среди друзей и знакомых, уговаривающих А. отказаться от мысли о женитьбе, самым красноречивым и убедительным был поп Григорович. Очень горячо и искренне он убеждал А.:

— Подумайте, Тося, вам только 17 лет, вся жизнь ещё впереди, куда вам спешить, вы встретите ещё много прекрасных девушек и женщин и всегда успеете сделать свой выбор. А что касается самоубийства, то это уже совсем глупо. Я понимаю, что вы переживаете, так как дали слово, но всё постепенно образуется, перемелется — мука будет. Приходите к нам — матушка будет рада вас видеть, я уже говорил ей о вас, она вас успокоит, она женщина и сумеет найти нужные слова, приходите, когда хотите.

Надо полагать, что матушка действительно нашла “нужные” слова. Она действовала с такой убедительностью, что в конце короткого срока А. стал её интимным другом» [6, с. 36]. «Постепенно, под влиянием уговоров, А. успокоился и, в конце концов, перестал угрожать самоубийством» [6, с. 34].

В 1907–1908 годы мысль старшего брата, по словам Виталия, «эволюционировала в сторону мизантропии. Его жизнь складывалась так, что трудно было допустить, что она приносит ему “наслаждения”. Впрочем, — уточнял Виталий Семёнович, — сколько я его не помню, он никогда не был тем, кто называется “жизнерадостным” человеком. Он всегда был сосредоточен, замкнут, серьёзен, порою даже

1. Татьяна Михайловна и Семён Григорьевич Макаренко. 1913 г.
2. Братья Антон (слева) и Виталий Макаренко. Конец августа 1914 г.

грустен и молчалив. Это было его нормальное состояние» [6, с. 34]. Добавим, в семье, куда обычно Антон Семёнович приходил к позднему вечеру.

К 1907 году в сознании молодого Антона Семёновича сложилась философская идея о том, что «жизнь бессмысленна, абсурдна и до ужаса жестока». Он рассуждал так: «Родить детей — преступно. Это удел мужиков и мещан, то есть как раз той части населения земного шара, которая по бедности не может обеспечить будущее своих детей. Но если нельзя родить детей, то брак становится совершенно ненужным. Люди могут жить совместно — свободно, не вступая в так называемый “законный” брак, до тех пор, пока они любят друг друга. Если любовь проходит, как и всё на этом свете, то люди могут разойтись свободно без унижительных хлопот о разводе» [6, с. 35].

В этой связи представляется любопытным диалог Антона Семёновича с о. Григоровичем. На вопрос о. Григоровича «Значит, вы отрицаете значение семьи?» Антон Семёнович решительно отвечал: «Да, отрицаю. Семья — это пережиток рабовладельческих времён. Это — нелепость. Во всяком случае, я клянусь и даю слово, что никогда не женюсь и никогда не буду иметь детей» [6, с. 35].

И свою «новую жизненную философию» Антон Семёнович (в пересказе Виталия) сопровождает следующими аргументами: «Кроме того, никто так не портит нравственно детей, как семья, где ни отец, ни мать не имеют никакого понятия о воспитании, что не мешает отцу на каждом шагу кричать о том, что он — “глава семьи”. Другой народит 10 душ и потом издевается над ними и над женой — деньги пропивает, жену бьёт, дети голодают, но он продолжает требовать повиновения и повторяет, что он в семье “начальник”. О каком воспитании можно говорить в подобных случаях, а в нашем отечестве это явление заурядное. К тому же все они ругатели и матерщинники. (За всю совместную жизнь с А. я ни разу не услышал от него неприличного слова.)» [6, с. 35].

Но вскоре новое событие окончательно испортило отношения Антона с отцом. До Семёна Григорьевича дошли слухи о связи сына с Елизаветой Фёдоровной Григорович. По-видимому, здесь решительную роль сыграли утешительные беседы с поповной, которая помогала супругу о. Григоровичу отговорить молодого учителя от раннего брака с Полиной Мироновой. Встречи проходили в доме о. Григоровича.

В письме от 11 марта 1973 года к немецким макаренковедом Виталий Семёнович даёт подробную информацию о сложившейся ситуации: «Крюковских попов я знал не всех одинаково. <...> Поп Богданович был протоирей и был благочинным посада Крюкова (старший, наблюдающий иерей). Жил он в том же доме, где жил и Дим. Григорович, в такой же богатой квартире. Он имел дочь поразительной красоты, которая в то время была очень дружна с Е. Ф. Г. <...>

Самым интересным и самым культурным, безусловно, был поп Григорович. Это не мешало ему быть страшным интриганом, лицемером и до ужаса скупым и жадным. Очень высокий, очень красивый (похож на Иисуса Христа), он всем своим видом, голосом, манерами то, что называется — импонировал. <...> Страшный франт и щёголь, он носил только шёлковые рясы и имел богато обставленную квартиру (в гостиной Беккеровский рояль, дорогая мягкая мебель, экзотические цветы, дорогие ковры). На отношения Е. Ф. и Антона просто закрывал глаза. У нас в доме бывал до последнего времени. В том литературно-музыкальном кружке, который образовался в его доме вокруг Е. Ф. и Антона, он никакого участия не принимал. (Здесь бывали: Соосновская, Богданович, З. П. Архангельская (родственница Е. Ф.), Сагредо, Голобородько и его сестра, учитель Юрченко, Дзюба и др.» [6, с. 120–121].

Вот что пишет Виталий Семёнович о том, как сгущались тучи на семейном горизонте Макаренко: «Однажды — это было в воскресенье, отец был не на службе, я готовил уроки — отец сказал А., что хочет поговорить с ним. Они ушли в соседнюю комнату. Сначала я не обращал на это внимания, но, когда тон их разговора резко повысился, я невольно прислушался. Отец категорически требовал: немедленно прекратить эту связь или, в крайнем случае, добиться развода по па и жениться на попадье. На это А. отвечал, что это невозможно, так как по закону поп не может получить развода ни по каким причинам. (Действительно, такой закон существовал — поп мог жениться только один раз и никогда не мог получить развода.)

— Но ты же сам понимаешь, что это бросает пятно на всю нашу семью.

— К сожалению, я ничего изменить не могу.

— В таком случае тебе придётся оставить наш дом. Я не хочу, чтобы люди думали, что я потворствую твоей безнравственности» [6, с. 37].

Итак, зимой 1908—1909 года произошёл откровенный разговор отца с сыном, в результате которого Антон покинул родительский дом, взяв с собой письменный стол и портреты писателей. Комнату он снял в доме отца Елизаветы Фёдоровны Григорович (девичья фамилия — Архангельская). Изгнание длилось несколько месяцев. Перед очередной Пасхой родители вернули сына домой, но отношения с отцом, по словам Виталия, оставались натянутыми до смерти Семёна Григорьевича в 1916 году. «Отец стал ещё сумрачней и молчаливей» и называл сына уже не Тосей, а Антоном.

Елизавета Фёдоровна Григорович ушла от мужа, уехала в Киев на двухгодичные женские курсы, решив стать учительницей. По словам Виталия Семёновича, «на летние месяцы и на Рождественские святки А. приезжал в Киев, и они жили вместе. <...>

По окончании женских курсов в Киеве его подруга получила место учительницы в Полтаве...» [6, с. 38]

Об истории отношений двух влюблённых Виталий Семёнович писал: «Не знаю, получал ли он от неё много писем, но он писал ей каждый день — на самой лучшей веленовой бумаге — и отсылал в самых дорогих конвертах-люкс. Иногда он просил меня отнести письма на станцию и бросить в ящик почтового вагона. На конверте адресату предшествовали две буквы: “Я. С.” Я ломал голову, что это могло значить, но не смел у него спросить об этом прямо. Гораздо позже, в 1915 г., в Полтаве, он объяснил мне, что это были начальные буквы двух слов: “Ясному солнышку”. Но судьба решила ещё дальше удалить их друг от друга» [6, с. 44—45].

Взаимная симпатия и крепкая дружба 19-летнего Антона Семёновича и 24-летней Елизаветы Фёдоровны, по словам Виталия, длилась более 20 лет.

4. Политические убеждения Антона

Происходящие в стране политические события не остались в стороне от братьев. В начале июня 1983 г. («за шесть недель до смерти») Виталий Семёнович Макаренко сообщил немецкому макаренковеду Г. Хиллигу, что «приблизительно в 1906—1907 гг. Антон Семёнович был кандидатом в члены партии социалистов-революционеров (эсеров)». Вот что пишет по этому поводу Г. Хиллиг, ссылаясь на рассказ Виталия Семёновича. Виталий «вполне достоверно и обстоятельно рассказал об обыске, который в отсутствие Антона провели три жандарма в комнате брата». Виталий «присутствовал при этом, и ему удалось своевременно спрятать экземпляр программы партии эсеров, который Антон хранил в одном художественном альманахе и на котором стояло: “Для кандидата партии Антона

Семёновича Макаренко». По хронологии событий данный случай можно отнести к периоду после роспуска 2-й Государственной думы (3 июня 1907 г.), в числе депутатов которой, как известно, было 37 эсеров. Позднее (в 1913 г.) Антон, по словам брата, рассказал ему во время их совместной поездки на пароходе по Днепру в Киев о своей принадлежности примерно в течение года к партии эсеров — факт, который он скрыл от семьи» [6, с. 205–206].

По свидетельству львовского учёного Ф. И. Науменко (с которым Г. Хиллиг вёл переписку), «архивы кременчутской полиции за 1905–1907 гг. не сохранились, а поэтому нельзя установить, что полиция делала обыск в квартире А. С. Макаренко» [6, с. 206].

Сомнительными являются и доказательства того, что революционно настроенный товарищ Антона Семёновича — некий Цалов — снабжал его революционной литературой. После смерти В. С. Макаренко немецкие макаренковеды обнаружили в доме престарелых, где он жил и умер, черновой вариант рукописи воспоминаний. Там была обнаружена любопытная информация о том, что «дружба с Цаловым упоминается в контексте, лишённым всякого политического содержания: речь здесь идёт не о революционной литературе, а о беллетристике».

Вот что писал Виталий Семёнович о тех далёких (ещё ученических для Антона) годах, упоминая и загадочного нового друга своего старшего брата, по-видимому Цалова: «Даже для меня, ребёнка, было заметно, что А. очень страдал от своей неполноценности. Он стал более грустным, иногда оставался один в задумчивости и постепенно уходил от своих сверстников. Потом он уходил к одному своему другу в Кременчуг — к сожалению, я не запомнил его фамилии, — и он отзывался о нём с восторгом. Во всяком случае, он приносил от него очень много книг. Я уже забыл (было очень много), каких. Помню только “Сад, построенный Богом”, романы Г. Сенкевича, журнал “Вокруг света”, финскую эпопею “Калевала”, “Робинзон Крузо”. Он читал удивительно быстро, почти не отрываясь.

Я думаю, что в его жизни был единственный настоящий друг (из мужчин). Он и потом навещал его, и я только жалею, что мне не удалось позже познакомиться с ним. Во всяком случае, он всегда вспоминал о нём и даже один раз сказал, что из всех людей, которых он встречал на своём жизненном пути, это был единственный настоящий Человек» [6, с. 207–208].

(Справа налево) А. С. Макаренко, Е. Ф. Григорович и Н. Е. Кислов. Кременчуг, 1911 г.

По всей видимости, речь действительно идёт о Цалове. Начало дружбы Антона с ним приходится на 1903–1904 гг. (ученические годы Антона Семёновича). По словам Виталия Семёновича, эта дружба закончилась неожиданно в 1906 г., когда Антон уже учительствовал.

И ещё одно свидетельство, подтверждающее наше предположение. Отвечая на вопросы немецких макаренковедов о друзьях брата, Виталий Семёнович писал: «Сказать, что Антон “выбирал” друзей — нельзя. Группа его друзей составила в силу сложившихся условий и как следствие общей социальной ситуации». И далее: «Надо отметить, что товарищи Антона по городскому училищу были тоже дети железнодорожников (Кондратенко, Цалов, Фомин, Соколов, Ровный и др.)» [6, с. 112].

Некий загадочный Цалов, о котором Антон рассказал Виталию только в 1916 году, упоминается не случайно в этом товарищеском списке. Не остаётся сомнения в том, что именно его Антон считал своим настоящим другом из мужчин. В 1906 году Цалов «уехал в Петербург, прислал оттуда два письма и затем как в воду канул. Антон изредка навещал его родных, но даже до 1916 года от него не было никаких вестей. Зная, как он любил своих родных, А. был уверен в его преждевременной гибели» [6, с. 21].

Виталий Семёнович также подтверждает версию о том, что Цалов «твёрдо решил заняться революционной деятельностью и уговаривал А. последовать его примеру». Но Антон категорически отказался, заявив в ответ: «Во-первых, я не верю в оздоровляющую силу кровавых революций — все они развиваются по одной схеме: сначала кровавая баня, затем анархия и хаос, и как результат — самая дикая диктатура. Это раз. Во-вторых, я совсем неспособен метать бомбы в кареты министров и ещё меньше с красным флагом распевать “Марсельезу” на баррикадах. Просто неспособен» [6, с. 21].

5. Культурная жизнь Кременчуга и Крюкова

В воспоминаниях В. С. Макаренко подробно представлена культурная жизнь Кременчуга, где братья получили образование — путёвку во взрослую жизнь. В Кременчуге, оживлённом торговом городе, «квартировали два пехотных полка и артиллерийская бригада. Было три средних учебных заведения» [2, с. 17].

Являясь уездным городом, вспоминал Виталий Семёнович, Кременчуг «был гораздо культурней и оживлённей губернского города Полтавы. Не говоря уже о том, что в Кременчуге имелся постоянный театр (драматический), театр оперетты, театр миниатюры, позже открылись 4–5 шикарных кинематографов, имелась прекрасная аудитория» [6, с. 17]. Постоянно в городе гастролировали знаменитости. Частыми гостями были «Шаляпин, Анна Павлова, Орленев. Ян Кубелик, Бронислав Губерман, Баттистини <...>, иногда приезжали Киевская или Харьковская опера, два раза в год приезжал симфонический оркестр Ахшарумова, струнный оркестр Андреева и многие другие» [6, с. 17].

Виталий Семёнович писал: «Я даже помню программу первого симфонического концерта, на который мы попали с Антоном в 1903 г., когда А. было 15 лет, а мне 8» [6, с. 17]. Этому событию предшествовала яркая речь старшего брата о преимуществе симфонического оркестра перед духовым, что вызвало у восьмилетнего брата соответствующую реакцию: он «долго и нудно ревел, но всё же выплакал у папы согласие» посетить концерт. И вот какую реакцию, какой восторг вызвал у Виталия симфонический концерт: «Мы почти первыми пришли в театр и, Боже, с каким благоговением и восторгом прослушали “Стеньку Разина” Глазунова, “Пер Гюнт” Грига, 40-ю симфонию Моцарта и 4-ю симфонию Шумана. Я тогда же дал слово, что стану скрипачом. И, действительно, в 1907 г. я купил свою первую скрипку. Кубелика из меня, ко-

нечно, не получилось, но я играл достаточно прилично для того, чтобы в первые годы эмиграции, сначала в Константинополе, потом в Париже, зарабатывать на жизнь игрой в ресторанах, кинематографах, на балах и вечеринках» [6, с. 17].

Справедливости ради необходимо отметить, что Виталий (как и Антон) обладал отличной памятью, был начитан, специально учился играть на скрипке и очень хорошо играл, что, действительно, помогло ему выжить в эмиграции. Антон Семёнович тоже овладел скрипичной игрой, самостоятельно, но уступал в мастерстве брату. Виталий писал: «Приблизительно с 1906 г. у нас в доме появились две мандолины, и мы с Антоном дуэтом разыгрывали лёгкие вещи, главным образом этюды Мазаса и народные песни. Также кое-какие романсы Чайковского и Глинки» [6, с. 103].

Интересно упоминание Виталия о том, что до революции он помнит Антона Семёновича неизменно безукоризненно одетым: «Всегда у него имелось несколько приличных костюмов, такие же были и галстуки, рубашки, воротнички и ботинки. В этом отношении он был большим франтом и одевался в Кременчуге у лучшего портного — Казачка» [6, с. 42].

Когда же в 1908 году Виталий поступил в Кременчугское реальное училище, братья стали редко видеть друг друга: когда около четырёх часов Виталий возвращался в Крюков, Антон, уже пообедав, уходил из дому до позднего вечера. «Мама оставляла ему в столовой холодный ужин, — вспоминал Виталий Семёнович, — и мы укладывались спать, а А. приходил только к 12 и, обыкновенно ужиная, читал книгу и засиживался до 1 часу ночи. В 1911 году он переехал в Долинскую и приезжал только на летний отдых, потом он поступил в Полтавский учительский институт, и мы снова были в разлуке» [6, с. 31]. Таков был ритм жизни Антона Семёновича.

Большая дружба между братьями возникла в 1912–1913 годы, когда Виталий достиг отроческого возраста (17–18 лет). Семья Макаренко с 1905 года уже проживала в своём доме. Жизнь в Крюкове всё более оживля-

лась. Компания из трёх коллег — А. С. Макаренко, заведующий училищем М. Г. Компанцев и учитель Ращев — приобрели немецкие велосипеды марки «Адлер» за довольно большие для того времени деньги — 125 рублей. У Виталия же был старенький велосипед марки «Самсон», и он присоединился к компании, совершавшей большие экскурсии в окрестностях Крюкова. Это было летом 1908 года. Виталий вспоминал: «Любимым нашим маршрутом была утоптанная дорожка вдоль линии железной дороги по направлению к Знаменке. Мы проезжали километров 10 и обыкновенно останавливались у одного сторожа при шлагбауме, где покупали молоко и чёрный хлеб, который нам казался необыкновенно вкусным» [6, с. 42–43].

В 1909 году в Крюкове открылся кинематограф «Корсо», с большой сценой, просторным фойе и буфетом. Фильмы сменялись раз в неделю, играл струнный квартет. Виталий Семёнович прекрасно играл на скрипке и иногда принимал участие в квартете. В 1917 году «Корсо» передали железнодорожному клубу, в котором по инициативе В. С. Макаренко был основан театральный кружок им. Короленко.

Летом 1910 года в Крюкове был открыт железнодорожный сад «Общества трезвости», где в субботу и воскресенье на открытой сцене ставились любительские пьесы на украинском языке и устраивались гулянья. Виталий Семёнович свидетельствует, что к этому времени вокруг Антона Семёновича образовался кружок крюковской интеллигенции, состоявший, главным образом, из педагогов школ. Среди них были «два брата Чернышова, супруги Сугак, которые очень любили А.». Виталий вспоминал: «Спорили до изнеможения, главным образом о литературе, но здесь А. был непобедим. Иногда пели песни и, даже, революционные, — впрочем, власти смотрели на это сквозь пальцы» [5, с. 43].

На Днестре можно было покататься на лодках, которые сдавались на определённое время. Иногда молодые люди брали несколько лодок (у Екатерины Фёдоровны Григорович была собственная лодка) и «отправлялись на один из днепровских островов варить “кашу”, где проводили целый день — купались, лежали на песке и снова спорили, спорили без конца...». Однажды, исключительно в мужской компании, на лодках ездили на ночёвку на остров, где «купались, ловили рыбу, из которой потом варили уху, и развели большой костёр, вокруг которого расположились на ночь» [6, с. 44].

* * *

Начинается новый, 1911-й год. Подходит к концу шестилетний период учительства Антона Семёновича в Крюкове. Ему уже 23 года; его младшему брату, студенту престижного Кременчугского училища, 16 лет.

А. С. Макаренко покидает Крюковское железнодорожное училище, родительский дом и переезжает на небольшую станцию Долинское, куда ранее (директором железнодорожного училища) был переведён М. Г. Компанцев. За Антоном Семёновичем в Долинское последовал учитель Г. В. Орлов. Виталий писал: «Если бы Антон хотел взять кого-либо из Долинской (видимо, речь идёт о поиске Антоном Семёновичем педагогов-воспитателей для колонии им. М. Горького — С. Н.), то, наверное, прежде всего он взял бы Г. В. Орлова, с которым был дружен» [5, с. 87].

Причиной перевода Антона Макаренко в Долинское стало его публичное обвинение во взяточничестве назначенного в 1910 году (вместо М. Г. Компанцева) в Крюковское железнодорожное училище нового директора Карбаненко. Виталий писал по этому поводу: «После ухода М. Г. Компанцева, А. не ужился с новым заведующим К. Ф. Карбаненко, обвинил его во взяточничестве, и дело дошло даже до суда. Работать в Крюкове стало невозможным, и в 1911 г. по собственному прошению А. был переве-

дён в ж. д. училище при станции Долинской, где он мог работать вместе с М. Г. Компанцевым» [6, с. 45].

Случай неординарный, сильно изменивший дальнейшую судьбу А. С. Макаренко. Об этой истории повествует И. Л. Евсеев в книге «Удивительный человечик» (2008 г.). Приведём наиболее убедительные эпизоды из книги.

«На должность заведующего училищем прислали Фому Кузьмича Карбаненко. <...> Будучи куратором 5-го класса, Антон Семёнович в конце каждой недели просматривал классный журнал, систематически следил за успеваемостью своих питомцев. И вдруг обнаружил, что у многих ребят появились «неуды», «удовлетворительно», вместо «хорошо» и «отлично», как заслуживали эти учащиеся. И это как раз по предмету, который вёл заведующий. В доверительной беседе с ребятами учитель выяснил, что высокие оценки Фома Кузьмич ставит только тем, кто даёт ему взятку, разные продукты в виде подарков и т. д.

Такого глумления над своими питомцами Антон Семёнович не мог снести и «организовал» заведующему «весёлую» большую перемену. В учительской собрались все учителя, вошёл и Карбаненко. И Макаренко без всякого вступления сказал:

— Что это вы, Фома Кузьмич, додумались брать с учеников взятки за хорошие отметки? Это что? Такие ныне правила вводятся в наших школах? Может быть, циркуляр с такими рекомендациями пришёл от самого Министерства образования?

Все, кто был в учительской, сразу замолчали и замерли, как будто их громом поразило. Все поняли, что сейчас разразится страшный скандал. Разве можно себе представить, что учитель может бросить такое обвинение заведующему, да ещё в таких условиях. Ведь за заведующим стоит власть, к тому же власть жестокая. А учитель что? Беззащитный и всё.

Карбоненко сначала опешил, не смог ответить молодому учителю, зная, что тот сказал правду. Видно, детишки его класса заведующего подставили. Некоторое время он молчал, лицо его сделалось краснее кумача, глаза вот-вот выскочат из глазниц, голова, руки начали трястись.

— Что, что вы ска... сказали? Пов... повторите!

— А то, что вы слышали. Взятчик вы, а не заведующий школы, вот что я сказал. Это они мне всё в деталях рассказали, как вы требуете от них “подарков”. А кто не принёс, тому — знает он урок хоть и отлично — “посредственно”, а то и “неуд”. Может, скажете, Макаренко выдумал? Тогда пойдёмте в класс, ребят поспрашиваем да возьмём с собой наших педагогов в качестве свидетелей...

— Я... Я этого так не оставляю, — закричал Фома Кузьмич. — Я на вас в суд подам. Я вас из школы выгону!!! — кричал не своим голосом заведующий.

— А вы не кричите, здесь у всех отличный слух, а вы можете голосовые связки сорвать. Ну что ж, подавайте в суд, там есть тоже умные люди, разберутся, что к чему. Подадите в суд, а я организую встречный иск с подписями двух десятков родителей учеников, с которых вы требуете так называемые подарки, а попросту взятки. Ну, а относительно вашего «выгону из школы», то не вы меня сюда назначили, не вам меня и освободить, или, как вы выразились, — “выгнать”.

При этих словах Карбоненко шмякнул дверь и выскочил из учительской. В учительской стояла гробовая тишина.

— Вы очень неосторожный, горячий, Антон Семёнович. Нельзя так, вы понимаете? — заметила самая уважаемая в коллективе учительница.

— Нет, Наталья Петровна, не понимаю. А как, по-вашему, молчать? Он будет разлагать морально наших учащихся, а мы должны молчать? Он постепенно и вас научит брать “подарки”. А где их детям наших трудяг брать. Они только-только, бедные, сводят концы с концами. Нет, вы — как хотите, а я молчать не буду. Я против него подниму всю родительскую общественность. До прихода Карбоненко в школу в нашем коллективе такого стыдобыща не было. <...>

Больше никто из присутствующих не проронил ни слова. Всем было стыдно за “деяния” своего заведующего... Скоро прозвенел звонок, и учителя разошлись по своим урокам. Эта большая перемена надолго запомнилась всем присутствующим» [3, с. 11–13].

Эта история имела продолжение. Дело дошло до судебного разбирательства, в результате которого А. С. Макаренко вынужден был покинуть Крюков.

Переезд в Долинское ознаменовал начало второго этапа педагогической деятельности Антона Семёновича. **НО**

(Продолжение следует.)

Список использованных источников:

1. Балабанович, Е. Макаренко. Человек и писатель / Е. Балабанович. М.: Московский рабочий, 1963. С. 31–32.
2. Григорович Е. Ф. Выдающийся педагог (Воспоминания об А. С. Макаренко) / Наследие А. С. Макаренко и современная наука и практика. Серия «Неизвестный Макаренко». Вып. 12. / Сост. С. С. Невская. М.: АОЗТ «Ариант». С. 50–54.
3. Евсеев, И. А. Удивительный человецище. М.: НИИ школьных технологий, 2008. 176 с. ISBN 978-5-91447-002-6.
4. Лавр Степанченко. Антон Семёнович Макаренко в моей жизни // Серия «Неизвестный Макаренко». Вып. 7. / Сост. и автор вступ. статьи С. С. Невская. М.: НИИ Семьи, 1998. С.20–47.
5. Макаренко, А. С. Педагогические сочинения. В 8 тт. М.: Педагогика, 1983–1986.
6. На разных берегах... Судьба братьев Макаренко. Москва: Издательский центр «Витязь», 1997. 384 с. ISBN 5-87567-020-7.
7. РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 513.
8. Ушинский К. Д. Собр. соч. в 11 тт. Т. 2. М.-Л. 1948. С. 236.